

О ЯЗЫКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ¹

20. stoletje je porodilo odhajanje Rusov v mnoge dežele sveta. Gradivo za naše raziskave so bili magnetofonski in ročni zapisi govora emigrantov različnih valov in generacij, živečih v Italiji, Nemčiji, Franciji, ZDA in na Finskem, ki jih je avtorica naredila v 90. letih 20. stoletja. Temeljni sklep: med govorico emigrantov enega vala, ki živijo v različnih deželah, je več skupnega kakor med govorico emigrantov različnih valov, ki živijo v isti deželi.

The 20th century saw the migration of Russians to many countries throughout the world. The material which has served as the basis for the present research consists of magnetic-tape transcriptions and on-the-spot notes of the language used by Russian emigrants pertaining to different waves and generations and living in Italy, Germany, France, the USA and Finland. The transcriptions and notes were produced by the author in the 1990s and show that the speech of emigrants pertaining to one wave and living in various countries has more in common than the speech of emigrants pertaining to various waves and living in the same country.

1 Язык русской диаспоры все больше привлекает к себе внимание исследователей разных специальностей: историков, социологов, культурологов и, конечно, лингвистов. И это вполне естественно – русская диаспора обширна и многолика. XX век породил отток русских во многие страны Европы, Америки, Африки, Австралии.

Материалом для моего исследования послужили магнитофонные и ручные записи устной речи эмигрантов разных волн и поколений, живущих в Италии, Германии, Франции, США, Финляндии, сделанные автором в 90-е годы XX века. Отчасти использовались письменные материалы – письма, записки, объявления в магазинах, эмигрантская пресса и данные семейных архивов.

Изучение языка русского зарубежья осуществлялось в рамках Московской школы функциональной социолингвистики (см. Земская – Крысин 1998), т.е. авторы продолжают традиции изучения русского языка, заложенные в Отделе современного русского языка Института русского языка РАН в 60-е годы при

¹ Данная статья базируется на первой части книги *Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты*, отв. ред. Е. А. Земская, Москва – Вена, 2001.

М. В. Панове и продолжающиеся в настоящее время. Иными словами: изучается русский литературный язык в его живом, естественном функционировании.

Мой подход к отбору информантов и способу собирания материала отличается от того, который распространен при изучении языка эмиграции. Обычно материал собирают способом анкетирования или прямого задавания вопросов об употребительности или значении тех или иных элементов языка, а в качестве информантов используют любых эмигрантов, независимо от того, где они жили до отъезда и каков был их язык. Вследствие этого в число информантов попадают жители не только России, но и Казахстана, Украины, Белоруссии, Узбекистана и других республик СССР и СНГ, а объектом наблюдения являются – без необходимого разграничения – носители и литературного языка, и просторечия, и диалектов.

Желая установить, как живет русский литературный язык вне России, я строго подходила к отбору информантов – изучала только речь носителей литературного языка, выходцев из России.

2 Принято различать четыре волны эмиграции: 1ая – после революции 1917 г., 2ая – связанная со второй мировой войной, 3ья – в 70-е годы, когда был разрешен выезд из СССР евреям и диссидентам, а также происходила высылка диссидентов, 4ая – с конца 80-х годов, т.е. в период перестройки и постперестройки.

Изучаемый материал показывает, что между речью эмигрантов одной волны, живущих в разных странах, имеется большая общность, чем между речью эмигрантов разных волн, живущих в одной стране. Естественно, что имеются в виду общие явления, а не конкретные заимствования из языка страны обитания. Эта общность касается и такого важного явления, как разная степень устойчивости (сохранения) русского языка у эмигрантов разных волн.

Наибольшее сходство в языке и речевом поведении наблюдается среди эмигрантов первой волны, относящихся к русской аристократии и другим слоям высокообразованного русского общества (писатели, ученые, духовенство, инженеры).

Наиболее резко эмиграции первой волны противостоит четвертая, которую нередко называют экономической. В подавляющем большинстве ее составляют люди, уехавшие из России навсегда, не имеющие желания возвращаться. Как правило, они не знали языка той страны, в которую направлялись. Среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3 % граждан, заявивших при выезде, что они никаких языков, кроме русского не знают (Пушкарева 1997: 156).

3 Проведенное исследование позволило выявить наиболее слабые vs. устойчивые к воздействию чужих языков части системы русского языка.

Быстрее всего влиянию чужих языков подвергается интонация. В области фонетики к числу устойчивых относятся такие явления как оглушение соглас-

ных на конце слова; противопоставление согласных по твердости/мягкости, глухости/звонкости.

В лексике иноязычное влияние обнаруживается достаточно быстро: включение слов и выражений в русскую речь свойственно представителям всех волн эмиграции.

Морфология является более устойчивой подсистемой русского языка, чем лексика и фонетика. Язык диаспоры обнаруживает то же противопоставление глагол/имя, которое свойственно ему в метрополии. Спряжение глагола не подвергается разрушению. В склонении имени обнаруживаются явления, свидетельствующие о росте аналитизма. К числу активных явлений, оказывающих влияние на речь эмигрантов всех волн и на разные подсистемы языка (лексическую семантику, синтаксис, морфологию) принадлежит калькирование.

Рассмотрим подробнее, как ведет себя система словообразования в языке эмиграции.

4 Исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы). Между тем, вопрос о том, **как** функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес. Единственные известные мне работы, посвященные этой проблематике, – интересные исследования М. А. Осиповой (Осипова 1999, Осипова 2000). М. А. Осипова изучала речь эмигрантов последней волны в США (с конца 80-х годов), часть которой составляют дети и молодежь, не усвоившие в достаточной степени русский язык в России. По ее наблюдению, прежде всего уходят из языка модификационные (по Докулилу) производные. Она пишет: «Слабой системной категорией оказываются модификационные производные, куда относятся диминутивы и приставочные глаголы. Это производные с интерпретирующим, а не называющим значением. Устойчивым же ядром системы оказываются мутационные производные, как, например, названия деятеля. Это «называющие» производные. Иными словами, дезинтегрируются производные с вторичными словообразовательными функциями, а проявляют устойчивость образования, реализующие важнейшую функцию словообразования, – номинативную» (Осипова 1999: 11). Это мнение разделяет и (Polinsky, в печати), полагая, что словообразовательный механизм русского языка ослабевает, вытесняемый под влиянием английского другими механизмами языка. Мои материалы дают иную картину. Они показывают, что существует резкое различие в том, как функционирует словообразование в языке эмигрантов разных волн.

В языке эмигрантов **первой волны** и их потомков, родившихся вне России и усвоивших язык в семье, словообразовательная система русского языка

сохраняется в своем обычном виде. В речи моих информантов как раз модификационная категория уменьшительности-оценочности обнаруживает наибольшую активность, причем не только в речи эмигрантов первого поколения, но и в речи второго и третьего поколения первой волны. Как это свойственно разговорному языку в России, широко распространены уменьшительные и оценочные экспрессивные производные типа *павильончик*, *домик*, *огородик*, *кухонька*, *комнатушка*, *пилюльки*, *домишка*, *маленький городочек*, *уличка*.

Встречаются формы субъективной оценки и наречий: Я все собираюсь **потихонечку**; И тогда она после этого довольно быстро скончалась // Очень **спокойненько** //; **утречком**.

В употреблении имен собственных заметна тенденция не использовать имена и отчества, но неполные имена и уменьшительные формы от них слышны часто: *Иночка*, *Оленька*, *Веруша*, *Надюша*, *Кисанька*, *Кисулечка*. Меня мои информанты обычно называли *Леночка* (часто) и *Елена Андреевна* (реже – *Лена*, никогда – *Елена*).

Обилие диминутивов в разговорах со мной может быть свидетельством того, что беседа велась в непринужденной, разговорной манере, как со своим человеком (в «своем модусе», а не в «чужом», по О. Йокояма; см. Йокояма 1994). Наши разговоры никогда не проходили как официальное интервью.

В некоторых семьях широко используются фамильярные образования на *-ка*, наделенные печатью интимности, дружеской непринужденности (*Юлька*, *Алешка* и под.).

Таким образом, мои материалы подтверждают предположение Якобсона о том, что при ослаблении языковой системы первыми исчезают категории, наиболее поздно осваиваемые человеком, а сохраняются те, которые усваиваются в детстве. Ведь известно, что в славянских языках категория уменьшительности возникает у ребенка очень рано (см. Гвоздев 1961, Земская 1990).

Мои записи показывают резкое различие в отношении к диминутивам между речью эмигрантов первой волны и их потомков и речью эмигрантов последней волны.

По отношению к другим словообразовательным категориям отмечу следующее. Производные имена лиц, в том числе соотносительные с мужскими наименования женщин, не редки: *Она вообще хохотунья была* // (изображает) *ха-ха-ха!*; *Я работала секретаршей* //; *Я председательница* //.

Глагольная префиксация действительна, но не так активна, как категория уменьшительности: **уезжать**, **переезжать**; Мы через нее на все это **наткнулись** (в перен. смысле) //; Она нас **выкопала** / нашла ...; Они уже в тысяча девятьсот пятом году **выбрались** из России //.

Встречаются отдельные существительные, образованные способом универбации из сочетания «прилагательное + существительное»: непромо-

каемое пальто > непромокашка. Пример: *Одела свою непромокашку, которая ей очень понравилась* (из письма к сыну); *домашка* (домашнее задание).

Об активности действия словообразовательного механизма в русском языке потомков эмигрантов первой волны свидетельствует, как это ни парадоксально, и **отрицательный языковой материал**, т.е. неузальное использование активных словообразовательных средств. Многие лица порождают производные слова, отсутствующие в русском языке, имеющие тот же корень, что и соответствующее узальное слово. При этом обычно используются продуктивные словообразовательные средства: суффиксы существительных *-ость* и *-ство* со значением отвлеченности, суффиксы прилагательных *-н-*, *-ск-*, *-ов-*, глагольные приставки. Так, говорят *стыдность* (вм. *стыд*), *чувство долга* (вм. *чувство долга*), *двуязычество* (вм. *двуязычие*), *юбилейский год* (вм. *юбилейный год*).

Могут использоваться и «не те» приставки: (показывая на здание Организации Объединенных Наций в Риме) *Как это? Соединенные Нации? – Объединенные Нации //; Это на меня навлияло*; вм. *повлияло*; возможно, что воздействует находящееся в той же фразе сочетание с предлогом *на меня*); *Мы наговорились о том / чтобы играть в ring-pong //* (в знач. *договорились*).

Интересен такой случай. Женщина-дизайнер говорит о себе: *Я ведь не художник // Я изучала художество в университете //* (вм. *живопись*). Очевидно, что она производит это слово от того же корня, что имя лица *художник* и прилагательное *художественный*, не зная слова *живопись* и не предполагая, что слово *художество* в этом значении устарело и в современном языке имеет другую семантику ('выходка').

Еще интересный пример: Как это называется / ... стекло-антипулемет? – Бронированное стекло //.

В русском языке явление, именуемое **языковой игрой**, часто реализуется словообразовательными средствами, так что его можно считать показателем активности словообразовательного механизма языка. Мои наблюдения над речью эмигрантов первой волны и их потомков показывают слабую активность языковой игры среди этой группы лиц. Во всяком случае, по моим впечатлениям, более склонны к языковой игре (в первую очередь с заимствованными словами) представители последних волн эмиграции (третьей и четвертой). Я вижу такое объяснение этому факту. Представители первой эмиграции усваивают чужой язык с детства, еще дома – от родителей (которые, общаясь с ними по-русски, специально разговаривали с ними по-английски и по-французски, чтобы дети регулярно слышали иностранный язык), от иностранных нянек, гувернеров и гувернанток. Для первой волны иностранный язык – нечто **привычное**, знакомое, свое. Именно поэтому игры с иностранным языком ей не свойственны. Для, как правило, одноязычных (при отъезде из России) эмигрантов последних десятилетий язык страны нового обитания – нечто новое, желанное, экзотическое. Именно поэтому им нравится играть с ним.

Однако возможно, что среди моих информантов из старой эмиграции просто не оказалось людей, любящих языковые игры.

В моих записях речи эмигрантов первой волны случаев языковой игры немного. Эмигрантка второго поколения первой волны, родившаяся в Берлине в 1931 г., вспоминает, что в ее семье у двух лиц были прозвища: *Плачин* и *Утешин*. Эти слова созданы, несомненно, по типу знаменательных фамилий, характерных для комедий XVIII в. (ср. *Правдин* у Фонвизина).

В качестве материала, показывающего действенность словообразования в языке зарубежья, обычно рассматривают **слова-гибриды**, т.е. производные с русскими аффиксами от иноязычных основ (типа *фудстэмпицик* – лицо, получающее продовольственные талоны, от англ. *food stamp*). Для эмигрантов первой волны и их потомков не характерно создание производных от иноязычных слов, не вошедших в русский язык. Они могут вставлять в свою речь иноязычные слова, некоторые приспособливают имена существительные к морфологической системе русского языка, склоняя их, но порождают новые слова редко. Особенно резкое неприятие распространяется на глаголы на *-ать*, *-ить*. В моих записях речи эмигрантов первой волны разных поколений всего два глагола-гибрида. Один из них – глагол *путциить*, другой – *ланчевать*.

Для эмигрантов третьей и четвертой волн язык страны обитания часто не стал еще полностью своим. Многие из них только начинают осваивать его. Именно поэтому они стремятся как можно чаще употреблять иноязычные слова (см. об этом: Земская 1999). Они легко порождают слова от иноязычных корней, не вошедших в русский язык. Им присуще включение иноязычных корней в словообразовательные и морфологические модели русского языка. Таким образом, лексический материал чужого языка обрабатывается морфологической системой русского.

Можно выделить две специфические функции словообразования в языке эмигрантов третьей и четвертой волн, связанные с производством слов-гибридов.

Номинативная функция. Многие представители последних волн эмиграции не заботятся о чистоте русского языка, создавая в номинативных целях слова-гибриды разных частей речи.

1. Среди последних много **существительных**. От основ различных иноязычных субстантивов образуются разнообразные производные – женские корреляты, уменьшительные и увеличительные образования, отвлеченные слова и др., которые включают русские суффиксы и флексии и таким образом интегрируются в систему русского языка: *slice* (ломтик) – *слайсик*, *чермен* – *черменство*, *track* (грузовик) – *трачище*, *босс* (хозяин) – *боссиха*, *baby* – *байбик* (Kouzmin 1973).

2. Заимствованных **прилагательных** в речи эмигрантов значительно меньше. Большую часть их составляют прилагательные, заимствованные без какого-либо грамматического оформления, т.е. в том виде, как они

существуют в языке-источнике. Естественно, что они пополняют класс аналитических несклоняемых прилагательных: *dear, friendly, smart, second-hand, free* (в значении бесплатный и свободный).

Производство обычных, т.е. склоняемых, прилагательных не столь активно. В этих случаях используются наиболее продуктивные суффиксы прилагательных: *-н, -ск, -ов*, которые присоединяются к основам иноязычных существительных. Так, от основы *volunteer* (доброволец) создается прилагательное *волонтирский*, от *bedroom* (спальня) – *бедрумный*, а также *-одно, -двух, -трехбедрумный*.

3. Глагол резко противопоставлен именам. Глагол – это такая часть речи, которая в русском языке не может существовать без формальных показателей своей глагольности. Глагол служит синтаксической основой высказывания, ему подчиняются имена. Вследствие этого глагол с заимствованной основой не может быть «голым», он должен иметь формальные показатели своей глагольности. Поэтому глаголы, рождающиеся в речи эмигрантов от заимствованных основ, конструируются по образцу русских глаголов продуктивных классов на *-ать/-ают, -ить/-ат, -овать/-уют*. Так создаются глаголы-гибриды (иноязычные слова + русские грамматические показатели): *биллать* (от *bill* – счет), *и(э)нджоить* (от *to enjoy* – наслаждаться, получать удовольствие), *шопиться, шапать* (от *to shop* с американским произношением – покупать), *юзать* (от *to use* – использовать), *драйвать* (от *to drive* – вести машину), *апрувать* (от *to approve* – одобрить), *окешиить* (от *cash* – наличные деньги), *афордить* (от *to afford* – позволять себе), *рентовать* (от *to rent* – арендовать).

Свободно используются и причастия: *юзанный, рентованный*. Как сообщает один информант, «слово *юзанный* в большом ходу (русский эквивалент «б/у» – бывший в употреблении)»; *рентованные квартиры, юзанный и неюзанный кар* (подержанная и новая машина).

Необходимо отметить, что глаголы на *-овать, -ировать* от иноязычных основ наименее противоречат языковому сознанию русского человека, так как они наиболее соответствуют законам построения русского слова. В русском литературном языке глаголы от заимствованных основ разного происхождения, как правило, имеют исход на *-овать, -ировать, -изировать* (см. Авилова 1967), тогда как глаголы на *-ать, -ить*, включающие иноязычный каркас, единичны.

Использование словообразования как **средства экспрессии**, языковой игры. Эмигранты четвертой и отчасти третьей волн эмиграции часто воспринимают язык страны обитания как нечто остро противопоставленное русскому языку, постоянно сравнивают русские и чужие способы выражения, осмысливают эту разницу и используют ее как средство экспрессии. Именно поэтому они активно применяют русское словообразование для производства слов-гибридов. У лиц, наделенных чувством юмора и склонностью к языковой рефлексии, широко распространены словообразовательные игры.

Нередко они базируются на каламбурном сближении русских и иноязычных слов. Так, например, названия американских городов переделывают на русский лад, прибавляя суффикс *-ск*: Бруклин – *Бруклинск*, ср. *Брянск*, *Смоленск* и др. под).

Инженер, живущий в США 7 лет, говорит племяннику: Я тебе подарю *кэш* / не для того чтобы ты копил деньги / а для того / чтобы ты *инджоил* / как говорим мы на *Брайтоне* //.

Последнее уточнение особенно показательно. На Брайтоне принято шутить, играть с формой речи.

Итак, словообразовательный механизм русского языка – мощная и активная сила. Словообразование в отличие от других подсистем русского языка (таких, например, как интонация, фонетика, лексика) не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические элементы в словообразовательные модели русского языка. Число слов-гибридов разных частей речи не одинаково. По нашим данным наиболее многочисленны имена существительные, глаголы занимают второе место, а прилагательные – третье. Глаголы и прилагательные от иноязычных основ по-разному воспринимаются в русской речи. Прилагательные – нейтральны. Глаголы резко выделяются в структуре русского текста. Их используют два типа лиц: 1 не чувствующие достаточно тонко ткань создаваемого ими текста, не дорожащие чистотой русского языка; 2 играющие с формой речи. Глаголы-гибриды в речи старых эмигрантов крайне редки. Без установки на шутку они могут встречаться лишь у тех лиц, которые не следят за своей речью, не обладают многоязычием и которым не свойственна высокая языковая рефлексия.

5 Изученные мною обширные материалы не дают оснований говорить ни об умирании русского языка за рубежом, ни о его пиждинизации. Напротив, можно констатировать поразительную стойкость русского языка. Во многих семьях (и не только у тех лиц, которые связаны с русским языком профессионально) русский язык живет в третьем и даже четвертом поколении эмиграции.

6 В языковой компетенции многих лиц, живущих вне России с рождения, эмигрантов третьего и даже четвертого поколений, независимо от того, сколько языков они знают, русскому языку принадлежит особое положение. Это предмет частой и глубокой языковой рефлексии. Он воплощает связь с родиной, с семейными корнями. Это святыня, которую берегут.

7 Современный период истории способствует возрождению интереса к русскому языку и дает возможности для его укрепления и расширенного применения (встречи с людьми, приезжающими из России, возобновление насильственно прерванных связей с родственниками, друзьями, коллегами по работе, поездки в Россию).

Этот этап сами эмигранты называют возвращением к России и русскому языку. Происходит не только укрепление русского языка, но и обновление, «осовременивание» речи эмигрантов первой волны.

Литература

- Н. С. АВИЛОВА, 1967: Слова интернационального происхождения в русском литературном языке нового времени (глаголы с заимствованной основой). Москва.
- А. Н. ГВОЗДЕВ, 1961: *Вопросы изучения детской речи*. Москва.
- Н. И. ГОЛУБЕВА-МОНАТКИНА, 1998: О староэмигрантской речи (к типологии современной русской речи Дальнего Зарубежья). *Русистика сегодня* 1/2. 88–96.
- Г. ГУСЕЙНОВ, 1997: Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах в Германии. *11. Fortbildungstagung für Russischlehrer an bayerischen Gymnasien*. Regnesburg. 36–44.
- Е. А. ЗЕМСКАЯ, 1990: Речевой портрет ребенка. *Язык: система и подсистемы*. Ред. М. Я. Гловинская – Е. А. Земская. Москва. 241–260.
- – 1992: Словообразование как деятельность. Москва.
- – 1999: Язык русского зарубежья: два полюса. *Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г. О. Винокура*. Ред. С. И. Гиндин – Н. Н. Розанова. Москва. 236–257.
- Е. А. ЗЕМСКАЯ – Л. П. КРЫСИН, 1998: *Московская школа функциональной социолингвистики: Итоги и перспективы исследования*. Москва.
- М. А. ОСИПОВА, 1999: К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень. *Slavia* 1.
- – 2000: Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование. *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. Отв. ред. Т. М. Николаева. Москва.
- Н. Л. ПУШКАРЕВА, 1997: Русские за рубежом. *Русские*. Отв. ред. В. А. Александров – И. В. Власова – Н. С. Полишук. Москва.
- М. BENSON, 1960: American-Russian Speech. *American Speech* XXXV/3. 163–194.
- L. KOUZMIN, 1973: The morphological integration of English lexical items in the Russian speech of bilingual migrants living in Australia. *Melbourne Slavonic Studies* 8. 10–19.
- М. S. POLINSKY, в печати: Russian in the USA. An Endangered Language. *Russian in contact with other languages*. Hg. E. Golovko. Amsterdam.
- О. УОКОУАМА, 1994: Speaker Imposition and Short Interlocutor Distance in Colloquial Russian. *Revue des Etudes Slaves* LXVI/3. 681–607.
- Данная статья базируется на первой части книги «Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты», отв. ред. Е. А. Земская. Москва – Вена, 2001.

O JEZIKU RUSKEGA ZDOMSTVA

POVZETEK

1 Jezik ruske diaspore vedno bolj privlači pozornost raziskovalcev različnih profilov: zgodovinarjev, sociologov, kulturologov in seveda tudi jezikoslovcev. To je popolnoma razumljivo, saj je ruska diaspora široka in raznovrstna. 20. stoletje je porodilo odhajanje Rusov v mnoge dežele Evrope, Amerike, Afrike in Avstralije.

Gradivo za raziskave so dali magnetofonski in ročni zapisi ustne govorice emigrantov različnih valov in generacij, živčih v Italiji, Nemčiji, Franciji, ZDA in na Finskem, ki jih je avtorica naredila v 90. letih 20. stoletja. Deloma je bilo uporabljeno pisno gradivo – pisma, zapiski, oglasi v časopisih, emigrantski tisk in podatki iz družinskih arhivov.

Preučevanje jezika ruskega zdomstva je potekalo v okviru Moskovske šole funkcionalne sociolingvistike (gl. Zemskaja – Krysina 1998), kar pomeni, da avtorji nadaljujejo tradicije preučevanja ruskega jezika, ki jih je v 60. letih utemeljil na Oddelku sodobnega ruskega jezika Inštituta ruskega jezika Ruske akademije znanosti M. V. Panov in potekajo še danes. Z drugimi besedami povedano: ruski knjižni jezik se preučuje v njegovem živem, naravnem funkcioniranju.

Moj pristop k izbiri informantov in načinu zbiranja gradiva se razlikuje od tistega, ki je razširjen pri preučevanju jezika emigracije. Navadno zbirajo gradivo z anketiranjem ali direktnim spraševanjem o rabi ali pomenu teh ali onih elementov jezika, kot informante pa uporabljajo katerekoli emigrante, ne glede na to, kje so ti živeli pred odhodom v emigracijo in kateri jezik so govorili. Tako se med informanti ne znajdejo le nekdanji prebivalci Rusije, temveč tudi Kazahstana, Ukrajine, Belorusije, Uzbekistana in drugih republik ZSSR ter Skupnosti neodvisnih držav, predmet opazovanja pa postanejo – brez nujne razmejitve – nosilci knjižnega jezika, nestandardnega pogovornega jezika in narečij.

V želji, da bi ugotovila, kako živi ruski knjižni jezik zunaj Rusije, sem se strogo držala izbora informantov – preučevala sem samo govor nosilcev knjižnega jezika, ki so prišli iz Rusije.

2 Navadno razlikujemo štiri valove emigracije: 1. val – po revoluciji leta 1917, 2. val je povezan z 2. svetovno vojno, 3. val iz 70. let, ko je bil bil dovoljen odhod iz ZSSR Judom in disidentom, hkrati pa so disidente izganjali, in 4. val s konca 80. let, tj. v obdobju perestrojke in postperestrojke.

Preučevano gradivo kaže, da je med govorom emigrantov istega vala, ki živijo v različnih deželah, več skupnega kakor med govorom emigrantov iz različnih valov, čeprav živijo v isti deželi. Seveda imamo v mislih splošne pojave in ne konkretne izposoje iz jezika dežele, kjer emigranti prebivajo. To skupno zadeva tudi tako pomemben pojav, kakor je različna stopnja odpornosti (ohranitve) ruskega jezika pri emigrantih različnih valov.

Največja podobnost v jeziku in govornem obnašanju se opaža med emigranti prvega vala, ki sodijo k ruski aristokraciji in drugim plastem visoko izobražene ruske družbe (pisatelji, znanstveniki, duhovščina, inženirji).

Najbolj ostro se od emigracije prvega vala loči četrti val, ki ga pogosto imenujemo ekonomski val. V ogromni večini ga sestavljajo ljudje, ki so odšli iz Rusije za vedno in nimajo želje, da bi se tja vrnili. Oni praviloma niso znali jezika dežele, v katero so se namenili. Med emigranti 90. let je 99,3 % ljudi, ki so ob odhodu izjavili, da razen ruščine ne znajo nobenega drugega jezika (Puškareva 1997: 156).

3 Opravljena raziskava nam omogoča, da izdvojimo najbolj šibke oz. najbolj odporne dele sistema ruskega jezika glede na vpliv tujih jezikov nanje.

Najhitreje pade pod vpliv tujih jezikov intonacija. K odpornim s področja glasoslovja pa prištevamo takšne pojave, kot so izguba zvonečnosti soglasnikov na koncu besede in opozicija soglasnikov po mehкости/trdosti ter po nezvonečnosti/zvonečnosti.

Pri besedju se tujejezični vpliv pokaže precej hitro: vključevanje besed in izrazov v rusko govorico je lastno predstavnikom vseh valov emigracije.

Oblikoslovje je bolj odporen podsistem ruskega jezika kot besedje in glasoslovje. Jezik diaspore kaže isto opozicijo glagol – ime, kakršna mu je lastna v metropoli. Spregatev glagola ostaja trdna. Pri sklanjatvi imen se kažejo pojavi, ki pričajo o porastu analitizma. Med najbolj aktivne pojave, ki

vplivajo na govor emigrantov vseh valov in na različne podsisteme jezika (leksično semantiko, skladnjo, oblikoslovje), sodi kalkiranje.

Besedotvorni mehanizem ruskega jezika je mogočna in aktivna sila. Besedotvorje za razliko od drugih podsistemov ruskega jezika (kot npr. intonacija, glasoslovje, besedje) ne podlega tuje-jezičnemu vplivu.

4 Obširno gradivo, ki sem ga raziskala, nam kaže, da ne moremo govoriti niti o izumiranju ruskega jezika v zdomstvu niti o njegovi pidžinizaciji. Nasprotno, ugotovimo lahko izredno trdnost ruskega jezika. V mnogih družinah (in ne samo pri tistih, ki so poklicno povezane z ruskim jezikom) živi ruski jezik še v tretjem in celo v četrtem rodu emigracije.

5 Pri jezikovni kompetenci mnogih ljudi, ki živijo zunaj Rusije od rojstva, emigrantov tretjega in celo četrtega rodu, ne glede na to, koliko jezikov obvladajo, pripada ruskemu jeziku posebno mesto. To je predmet pogoste in globoke jezikovne refleksije. Jezik uteleša povezavo z domovino, z družinskimi koreninami. To je svetinja, ki jo ohranjajo.

6 Sedanje obdobje zgodovine pomaga k prerodu zanimanja za ruski jezik in mu omogoča, da se okrepi in razširi njegova raba (srečanja z ljudmi, ki prihajajo iz Rusije, obnavljanja nasilno pretrganih povezav s sorodniki, prijatelji, delovnimi kolegi, potovanja v Rusijo).

ON THE LANGUAGE OF RUSSIAN EMIGRANTS

SUMMARY

1 The language of the variegated and widespread Russian diaspora has attracted the attention of various researchers, from historians and sociologists to culturalists and linguists. The 20th century saw the migration of Russians to many countries in Europe, the Americas, Africa and Australia.

The material which has served as the basis for the present research consists of magnetic-tape transcriptions and on-the-spot notes of the language used by Russian emigrants pertaining to different waves and generations and living in Italy, Germany, France, the USA and Finland. The transcriptions and notes were produced by the author in the 1990s. Written material in the form of letters, notes, newspaper advertisements, emigrant newspapers and family archives has also been used for the purposes of the present research.

The study of the language of Russian emigrant communities was conducted within the framework of the Moscow School of Functional Sociolinguistics (cf. Zemskaia – Krysina 1998). The authors have continued the tradition of the study of the Russian language established in the 1960s by M. V. Panov at the Department of the Modern Russian Language at the Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Science. In other words, the Russian standard language has been studied in its living and natural functions.

The author's approach to the selection of informants and material gathering differs from that widely in use for the study of emigrant languages. The standard procedure consists of obtaining the material through surveys or direct questioning regarding the use or meaning of certain language elements, with informants being selected among emigrants regardless of their place of origin and the language they spoke prior to their migration. Hence, informants often consist not only of former Russian citizens, but also speakers coming from Kazakhstan, the Ukraine, Belarus, Uzbekistan, other USSR republics or the Russian Federation and the Newly Independent States, while the subject of observation comprises, without a necessary classification, speakers of the standard language, the non-standard colloquial language and dialects.

In her desire to establish how the Russian standard language lives outside Russia, the author opted for a strict selection of informants and studied only the speech of standard-language speakers from Russia.

2 There have been four waves of emigration. The first wave followed the 1917 Revolution, the second wave was connected with the Second World War, the third wave occurred in the 1970s, when members of the Jewish community and dissidents were allowed to leave the USSR and when

dissidents were banished from the country, while the fourth wave occurred towards the end of the 1980s during the perestrojka and post-perestrojka periods.

The material analysed shows that the speech of emigrants pertaining to one wave and living in various countries has more in common than the speech of emigrants pertaining to various waves and living in the same country. It goes without saying that the common traits encompass general phenomena rather than concrete borrowings from the language spoken in the country where the emigrants live. The general phenomena also consist of the degree of resistance and preservation of the Russian language with emigrants pertaining to various waves.

Most linguistic and speech-behavioural similarities may be observed with first-wave emigrants, consisting of members of the Russian aristocracy and other social strata of well-educated Russian society, such as writers, scientists, engineers and members of the clergy.

The first-wave emigration has least in common with the fourth-wave emigration, often referred to as the economic wave, and mainly consisting of those who left Russia for good and without any intention of returning to their homeland. As a general rule, these emigrants were not familiar with the language of the country to which they migrated. Upon leaving their homeland, 99.3 per cent of the Russians who migrated in the 1990s said that they had no knowledge of any other language apart from Russian (Puškareva 1997: 156).

3 The research makes it possible to recognise the parts of the Russian language system which are least or most resistant to the influence of foreign languages.

Intonation seems to be most easily influenced by foreign languages. The most resistant phonetic phenomena are the loss of voicedness of consonants at the end of a word and the consonant oppositions, such as softness and hardness and voicedness and unvoicedness.

The lexicon reflects the influence of the foreign language very quickly – the inclusion of expressions into Russian is typical of all the emigration waves.

Morphology has proven to be a more resistant subsystem of the Russian language than phonetics and the lexicon. The language of the diaspora reveals the same verb – name opposition as the one found in the metropolis. The verb conjugation remains unchanged, while the name declension shows phenomena witnessing the increase of analytic forms. One of the most active phenomena influencing the speech of all the emigration waves and the various language subsystems, such as lexical semantics, syntax and morphology, is the use of calques.

The Russian word-formational mechanism remains a powerful and active source. Unlike other subsystems of the Russian language, such as intonation, phonetics and the lexicon, it does not submit to the influence of foreign languages.

4 The extensive material researched by the author shows that the Russian language in emigrant communities is neither dying out nor being pidginised. On the contrary, it reveals an exceptional solidness. Many families, i.e. not only those professionally related to the Russian language, have preserved the living Russian language even in their third and fourth emigration generation.

5 With many people born and living outside Russia, emigrants of the third or fourth generation, regardless of the number of languages they have mastered, Russian is given a special role and is often reflected upon linguistically. The Russian language embodies the sacred link with the homeland and family roots which needs to be preserved.

6 The current historical period has revived the interest in the Russian language, thus promoting its use and expansion. Hence, encounters with people coming from Russia and travelling to Russia have been restoring the interrupted contacts with relatives, friends and professional colleagues.